

Д. А. ВОЛКОГОНОВ

<Предисловие к кн.: Черчилль У. Вторая мировая война>

О второй мировой войне написаны многие тысячи книг: научных, художественных, публицистических, мемуарных. Особое место в этом Монблане литературы благодаря своей фундаментальности занимают воспоминания Уинстона Черчилля, крупнейшего политического и государственного деятеля Великобритании XX века. С момента их выхода прошло четыре десятилетия. И хотя труд был написан по горячим следам великого катаклизма, когда многое в сознании еще не устоялось и не стало в подлинном смысле историей, когда атмосфера «холодной войны», одним из творцов которой был сам автор, не могла не сказаться на написанном, «Вторая мировая война» У. Черчилля, безусловно, выдержала испытание временем. Думаю, что ни один серьезный исследователь, изучающий минувший мировой пожар, не может игнорировать выводы фундаментального труда участника и очевидца событий тех, теперь уже далеких, лет. Сам автор рассматривал свой труд «Вторая мировая война» как продолжение описания истории первой мировой войны, которую он изложил ранее в трех книгах. Черчилль даже допускал, что оба этих труда могут составить своеобразную «летопись новой Тридцатилетней войны».

Нельзя не видеть, что воспоминания английского политического деятеля отличаются масштабностью, пронизательным анализом, смелостью исторических оценок. Можно согласиться или не согласиться с ними, но бесспорно одно: огромное полотно, теперь уже далеко отодвинутое временем войны, создано рукой и мыслью талантливого человека. Стиль изложения ясен, иногда тяжеловесно монументален. Черчилль, готовя свои тома,

был уверен: их долго не поглотит пропасть истории. Диктуя свои рукописи, Черчилль широко опирался на многочисленных помощников: экспертов, историков, секретарей. Автор «Второй мировой войны» был способен диктовать по 20–30 страниц в день, которые затем его творческим аппаратом обрабатывались, уточнялись, подкреплялись документами, редактировались. Дело было поставлено на широкую ногу. Однако печать мощного интеллекта Черчилля явно видна на содержании всего труда, что особенно чувствуется в концепции осмысления событий, обобщениях и политических оценках.

Своеобразна методология воспоминаний Черчилля. Сам он пишет о ней так: «Я по возможности придерживался метода Дефо, автора “Записок кавалера”, где рассказ о событиях его личной жизни служит той нитью, на которую нанизываются факты истории и рассуждения по поводу важных военных и политических событий». Такой подход придает истории минувшей войны весьма личный характер. Благодаря принятой методологии фигура Черчилля всегда оказывается в эпицентре описываемых событий и процессов, но рука не поднимается, чтобы написать нечто о явном тщеславии автора. Ведь еще в своем «Предисловии» летописец предупредил, что будет освещать поток событий истории «в свете их тогдашней оценки человеком, который нес главную ответственность за ведение войны и за политику Британского Содружества наций и империи». Черчилль не особенно заботится о том, как оценят читатели его выводы с позиций морали и, в частности, скромности, когда пишет: «Я сомневаюсь, чтобы где-либо и когда-либо существовала другая подобная летопись повседневного руководства войной и государственными делами. Я не называю ее историей: это задача другого поколения. Но я с уверенностью могу утверждать, что это вклад в историю, который принесет свою пользу в будущем».

Во многом это так. Ведь на события смотрел человек, который уже в годы первой мировой войны был первым лордом адмиралтейства (военно-морским министром), а в годы второй — премьер-министром. Сегодня мы наверняка можем сказать, что Черчилль обладал чувством истории. Он был способен услышать голоса давно ушедших людей, понять тайные механизмы чужой политики, представить борец страстей и боль целых народов. Автор труда никогда не скрывал своих глубоких антипатий и неприязни

к марксистским духовным ценностям, но часто был способен понимать советские интересы. Особенно в годы великой войны.

Прежде чем сделать некоторые замечания, следует хотя бы попытаться набросать словесный эскиз политического портрета автора воспоминаний «Второй мировой войны». При этом скажем, что наиболее полная и обстоятельная политическая биография Черчилля в нашей стране написана известным советским историком В. Г. Трухановским.

Уинстон Черчилль оказался одним из политических долгожителей. Он родился в ноябре 1874 года в Блениме, близ Вудстока, в графстве Оксфордшир, в знатной семье. Получив хорошее образование, Черчилль начал свою карьеру армейским офицером, участвовал в ряде колониальных военных экспедиций. Одновременно молодой военный стал пробовать свои силы в качестве корреспондента ряда газет и был быстро замечен общественным мнением, о чем свидетельствует избрание Черчилля уже в 1900 году в парламент от консервативной партии.

Этот деятель всегда был прагматиком и в политике, и в убеждениях. Видимо, по соображениям карьеры в 1904 году Черчилль перешел в либеральную партию, в которой находился более полутора десятков лет, пока не вернулся в лоно консерваторов. Во время первой мировой войны и после ее окончания автор труда занимал ряд высоких военных постов в различных министерствах. Именно в это время он был замечен в Советской России своей непримиримостью к молодой республике. В. И. Ленин, выступая на одном из совещаний в октябре 1920 года, заявил, что «английский военный министр Черчилль уже несколько лет употребляет все средства, и законные, и еще более незаконные с точки зрения английских законов, чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением». Ленин дает исключительно жесткую оценку этой деятельности Черчилля, называя его «величайшим ненавистником Советской России».

Что было, то было. Выдающийся английский политический и государственный деятель на своем долгом жизненном пути сделает еще немало шагов, чтобы подтвердить справедливость этой резкой оценки. Черчилль был верным сыном британской буржуазной демократии, и было бы трудно ожидать, чтобы он лояльно относился к идеологии и строю, поставившим своей целью низвержение тех устоев, на которые он опирался.

Автор труда «Вторая мировая война», обладая высокой государственной мудростью, оказался способным в годы борьбы с фашизмом перешагнуть через шлагбаум классовых предрассудков и подняться до осознания общечеловеческих приоритетов. Именно он, первым из буржуазных государственных деятелей, уже 22 июня 1941 года заявил о решительной поддержке борьбы советского народа с фашизмом. Являясь с мая 1940 года премьер-министром Великобритании, Черчилль стоял вместе с государственными деятелями других стран у колыбели зарождения антигитлеровской коалиции. Думается, что ее возникновение связано с осознанием приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. А именно в этом один из истоков того интеллектуально-политического явления, которое сегодня называют новым мышлением. Понимал или не понимал тогда Черчилль будущие сдвиги в человеческом сознании, но в те далекие годы в силу сложившихся обстоятельств он не мог поступить иначе.

Черчилль, как наиболее яркий и одаренный представитель западных демократий смог прагматически следовать зову необходимости тесно сотрудничать с Советским Союзом в годы второй мировой войны. Еще недавно утверждая, что большевизм — главный враг Англии и всей человеческой цивилизации, Черчилль оказался способным провозгласить, что уже с началом второй мировой войны гитлеровская Германия стала средоточием мирового зла, для борьбы с которым оправдан союз с СССР. Впрочем, классовая предубежденность в конце концов у Черчилля обычно брала верх, о чем свидетельствует его печально знаменитая речь в Фултоне 5 марта 1946 года¹. В ней бывший британский премьер выступил с призывом установить отношения с Россией только на основе превосходства силы стран, говорящих на английском языке. То был опасный исторический вызов, если учесть, что США обладали в то время монополией на ядерное оружие. Черчилль, по сути, провозгласил возможность и необходимость такого устройства послевоенного мира, когда не баланс сил и интересов, а бесспорное превосходство западного мира могло обеспечить, говоря словами Черчилля, «широкий путь в будущее».

Но все это будет после войны. А в годы смертельных испытаний и борьбы с фашизмом Черчилль проявил себя энергичным, волевым и решительным политиком и государственным деятелем, чей вклад в общее дело победы антигитлеровской коалиции нельзя и невозможно преуменьшать. В этой связи следует упомянуть,

что Черчилль еще до нападения Германии на Советский Союз пытался привлечь Москву на свою сторону, понимая, что у Англии нет шансов победить в одиночку. Весной 1941 года Черчилль, например, в специальном послании предупредил советское руководство о вероятном нападении Германии на СССР.

Стаффорд Криппс, препровождая письмо английского премьер-министра на имя И. В. Сталина, писал, что, «если Советское правительство не примет немедленно решение о сотрудничестве со странами, еще сопротивляющимися державам оси на Балканах, русские потеряют последний шанс защищать свои границы вместе с другими». То был фактический призыв Черчилля к Москве порвать пакт о ненападении с Германией... С позиций сегодняшнего дня это было верным предупреждением. Но, пожалуй, премьер в данном случае явно заботился о получении мощного союзника на Востоке, нежели о его безопасности. Однако это не умаляет его проницательного предостережения.

Даже краткое упоминание о некоторых политических действиях Черчилля в предвоенные годы и после начала войны свидетельствуют о сильном прагматическом уме британского лидера, обладавшего разносторонними знаниями и способностями. Наряду с бесспорным литературным талантом, отмеченным в свое время Нобелевской премией, Черчилль был неплохим художником и вдумчивым историком. В конце своей жизни он подготовил шеститомное сочинение: «История народов, говорящих на английском языке». Это был панегирик в честь Англии и британо-американского союза.

Человек, проживший насыщенные бурными событиями, свершениями и личными триумфами и поражениями долгие 90 лет, любил жизнь и понимал толк в ней. Несмотря на активную политическую и общественную деятельность, которая затихла лишь на самом склоне лет, Черчилль увлекался многими вещами: животноводством, скачками, кино, историей. Но в истории, глядя в зеркало своей памяти, он преуспел, несомненно, больше, чем в любой другой области своих увлечений. Таким был человек, написавший превосходную шеститомную работу «Вторая мировая война».

В первую книгу советского издания вошли два тома: «Надвигающаяся буря» и «Их самый славный час». Десятки глав сопровождаются многочисленными документами меморандумов, заявлений, служебных записок, телеграмм, таблиц, сводок. Обь-

ем исторической информации огромен. Думаю, у внимательного читателя все написанное Черчиллем вызовет большой интерес. Но некоторые темы, высвеченные мыслью автора, — особенно.

Представляют интерес анализ и оценки предвоенных лет в Европе. Автор не без основания считает, что вторую мировую войну было легче не допустить, чем любую другую. Каким образом? Черчилль, как всегда в своих трудах, определен и даже категоричен: «Не трудно было сохранить Германию в течение тридцати лет разоруженной, а победителей — должным образом вооруженными...

Следовало создавать и всемерно укреплять подлинную Лигу Наций, способную обеспечить соблюдение договоров, с тем, чтобы они могли изменяться лишь на основе обсуждения и соглашения». Автор видит причину, генезис второй мировой войны в крахе версальской системы. В немалой степени все это так. Но почему стали возможны, по выражению писателя, «годы нашествия саранчи?» Почему фашизм поднял голову? Ответы Черчилля сколь своеобразны, столь и далеко не бесспорны. По утверждению автора, «фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма». Мол, под предлогом спасения от большевизма родились диктаторские режимы Гитлера и Муссолини. Рассуждения достаточно линейные и не отвечают на вопрос: почему все же возникла война? Черчилль понимает, что без анализа политики западных держав нельзя доказать существование альтернативы второй мировой войне.

Заголовок одного из актов европейской драмы весьма символичен: «Мюнхенская трагедия». В названном фрагменте труда Черчилль беспощадно справедлив. Это, в частности, явствует из его заявления для печати 21 сентября: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции».

Черчилль всегда был убежден, что Бенешу не следовало уступать, и что чехи могли «устоять за линией крепостей». Тем более, что если бы началось нашествие Гитлера, полагает Черчилль, то ни Франция, ни Англия не остались бы, по мнению Черчилля, в стороне. Автор поражен, что недвусмысленное, ясное и решительное заявление Литвинова о готовности СССР прийти на помощь Чехословакии вооруженными силами осталось как бы

незамеченным. «Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это». Думаю, что эти размышления Черчилля весьма красноречивы и убедительны, особенно в свете повышенного внимания историков к пятидесятилетию многих событий, предшествовавших началу второй мировой войны. Автор обладал политическим мужеством говорить историческую правду, часто поднимаясь над личными классовыми симпатиями и антипатиями. Об этом можно судить, если обратиться и к оценке Черчиллем нацизма, гитлеровской политики и ее истоков.

Представляется, что автор столь пространныго труда смог достаточно убедительно (хотя и кратко) высветить генетические корни фашизма и становления таких лидеров, каким был Гитлер. Неудовлетворенность существующими реалиями, позор поражения, экономический кризис всегда ищут виновников и политического выхода. Гитлер изложил этот выход в своей преступной книжке «Майн кампф», явившейся, по выражению Черчилля, «новым Кораном веры и борьбы».

Рассуждения автора о корнях тоталитаризма и диктаторства не лишены тонкой наблюдательности и могут быть актуальны там, где возникает угроза политического цезаризма. Фашизм, тоталитаризм в любой форме — это всегда апологетика силы и насилия. Черчилль, обобщая откровения Гитлера, выделяет намерения последнего: «В целях своего расширения Германия должна обращать свои взоры к России и в особенности к Прибалтийским государствам. Никакой союз с Россией недопустим. Вести войну с Россией против Запада было бы преступно, ибо целью Советов является торжество международного иудаизма». У Черчилля достало прозорливости, не в пример некоторым его коллегам, отклонить приглашения встретиться с Гитлером. Британский политический деятель понимал, что именно этот человек более других способен зажечь факел европейской и мировой войны. Непримируемое поведение Черчилля по отношению к нацизму заслуживает уважения.

Советского читателя, несомненно, будут интересовать страницы, посвященные отношениям с СССР, оценкой его политики.

Анализ дипломатии Москвы Черчилль, в частности, осуществляет под заголовком «Советская загадка». Описывая августовские советско-англо-французские переговоры 1939 года в Москве², автор пишет, что они провалились «из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска». Позиция Польши была такова, пишет Черчилль: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу». Автор «Второй мировой войны» тем не менее глухо говорит, что истинная причина кроется в нежелании Лондона и Парижа пойти на серьезные соглашения.

Ответственность Сталина также велика. Думаю, именно тогда был упущен последний исторический шанс; в оставшееся время до 1 сентября 1939 года и 22 июня 1941 года уже, видимо, нельзя было кардинальным образом изменить стратегические решения Берлина.

Черчилль, конечно, не мог знать, что 4 августа советское руководство одобрило Инструкцию советской делегации на переговорах с военными миссиями западных демократий. Документ назывался «Соображения к переговорам с Англией и Францией». В «Соображениях...» рассматривалось пять вариантов, «когда возможно выступление наших сил». Причем Германия в документе именовалась «Главным агрессором». Позднее Черчилль вспоминал: Сталин в августе 1942 года говорил ему, что тогда, в тридцать девятом, ему сказали, что Франция в случае войны с Германией выставит около сотни дивизий. Сталин спросил, а сколько дивизий пошлет Англия? Ему ответили: две и еще две позднее. А мы, сказал советский диктатор, готовы выставить против Германии свыше трехсот дивизий. «Нужно признать, — пишет Черчилль, — что это была действительно твердая почва...» Если бы трое объединились, продолжает автор, и «сломали Гитлеру шею, или что-нибудь в этом роде — история могла бы пойти по другому пути». Черчилль делает вывод, который сегодня кое-кому кажется еретическим, что «нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства — Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия...» Договор был подписан, но... не между СССР, Англией и Францией. В историю он вошел как пакт Молотова — Риббентропа. Черчилль, комментируя этот шаг, кото-

рый по сей день вызывает ожесточенные споры, констатирует: «...только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт».

Здесь же автор книги проницательно замечает о исторической хрупкости этого противоестественного соглашения: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным...» Однозначно осуждая советско-германский пакт, Черчилль между тем обронил слова, говоря о советских руководителях: «Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной». Позже он с горечью, но не без рационального смысла скажет по этому поводу: «Советская Россия, которая жестоко обманулась, считая нас никчемными в начале войны, и купила у Германии мимолетную безопасность и долю в добыче, также стала значительно сильнее и обеспечила себе выдвинутые вперед позиции для обороны страны».

Сегодня, через десятилетия после того, как произошли те драматические события, читая написанные Черчиллем строки, видишь: все лидеры крупных европейских государств говорили в то время на одном циничном языке — языке недоверия, коварства и силы. Каждая из сторон считала, что собственной безопасности можно добиться путем уменьшения безопасности другой стороны.

Теперь мы знаем, что в конечном счете в проигрыше оказались все стороны.

Одна из книг серии воспоминаний Черчилля названа «Одиночество». Автор смог подняться до больших высот понимания трагедии политического одиночества, когда какое-то время Англия, после падения Франции, один на один противостояла Германии. Черчилль продиктует своим секретарям: «В одиночестве, но при поддержке всего самого великодушного, что есть в человечестве, мы дали отпор тирану на вершине его триумфа». Английский остров оказался для Гитлера неприступным, недосягаемым. Думаю, что, диктуя свои мысли об этом, пожалуй, самом тяжелом времени для Англии, Черчилль мог понять весь трагизм робинзонады Даниэля Дефо. Автор воспоминаний понимает, что, несмотря на исключительность обстоятельств,

в которых оказалась Англия, она может выжить прежде всего на мужестве — качестве, которым обладал сам Черчилль.

Конечно, с вершины сегодняшних дней пакт о ненападении выглядит глубоко ущербным; с точки зрения морали, союз с западными демократиями был бы неизмеримо привлекательнее и исторически оправданнее. Но и Англия и Франция оказались не готовыми к такому союзу, а Сталин не проявил терпения и мудрости. Но с позиций государственных интересов и реального расклада сил у СССР в тот момент удовлетворительного выбора не было. Отказ от каких-либо шагов едва ли остановил бы Германию. Вермахт и страна в целом были доведены до такой степени готовности, что нападение на Польшу было predetermined.

Помощь Польше затруднялась не только позицией Варшавы, но и неготовностью СССР к войне. Отказ от пакта мог привести к созданию более широкого антисоветского альянса, в результате которого была бы поставлена на карту судьба самого Советского Союза.

После падения Польши³ Черчилль увидел, как он выразился, не только «великолепный образец современного блицкрига» вермахта, но и то обстоятельство, что на Востоке возник новый фронт — фронт ротивостояния Германии и Советского Союза. Сейчас СССР «граничит с Германией, и последняя совершенно лишена возможности обнажить Восточный фронт... Поэтому Восточный фронт потенциально существует».

В своей летописи истоков и начала второй мировой войны Черчилль показал себя не только как глубокий аналитик, но и талантливый историк. Полотно описываемых им событий огромно: от безрассудства победителей в первой мировой войне до величайших битв второй всемирной схватки. Автор находит сказать нечто свое по вопросам, о которых написано множество книг: война в Испании, мюнхенский сговор, падение Испании, битва за Францию, операция «Морской лев», Молотов в Берлине, план «Барбаросса»... Это взгляд на события не профессионального историка, а человека, который был среди тех, кто особенно активно делал эту историю, влиял на многие ее процессы.

На советского читателя несомненно произведет впечатление документальная обоснованность воспоминаний английского лидера. Хотя самой манерой и методом письма Черчилль поставил себя в центр происходящих событий, а часто, по существу, представляет себя как решающую силу, что, конечно, является

преувеличением, нельзя не отдать должного широте охвата взора мемуариста.

Даже когда автор книги к кому-либо несправедлив, он не пытается убедить читателя, что его точка зрения является единственно верной. Черчилль не любит полутонов. Как и большинство политических деятелей такого масштаба, он часто категоричен, однозначен, определен. Для его мировоззрения характерно бинарное видение человеческого бытия: есть добро и зло, существуют христианские добродетели и атеистические ереси. Он не скрывает своего взгляда на особую роль выдающейся личности, которая способна менять вектор исторического развития. Мудрость государственных деятелей, злой гений Гитлера, ничтожество тех или иных руководителей, по мнению Черчилля, лишь оттеняют безликость человеческой массы. Как Томас Карлейль, знаменитый английский философ и историк XIX века, Черчилль, похоже, считал, что герои в лице выдающихся мыслителей, полководцев, политиков способны «давать спасение от чреватого безнадежностью настоящего...».

Читая страницы «Второй мировой войны», нельзя забывать, что они были написаны автором тогда, когда он полностью вернулся к своей старой антисоветской, антикоммунистической линии. Поэтому о многом он говорит после войны совсем не так, как в ходе нее. Было ли это метаморфозой? Думаю, что нет. Ведь в мире вечны лишь одни перемены. Человек меняется вместе с обстоятельствами бытия, даже если он остается верен своим нравственным принципам. Скажем, что воспоминания Черчилля (и от этого они во многом выигрывают) написаны в контексте вечных моральных постулатов, которым верен автор. Даже будучи политическим прагматиком, автор понимал, что без поклонения общечеловеческим моральным ценностям многое для человека теряет свое значение.

Да, этот человек, автор «Второй мировой войны», был лидером другого мира, нежели тот, в котором жили мы с вами. Мы многие годы говорили о нем как вдохновителе и инициаторе «холодной войны». Так в немалой степени оно и было. И. В. Сталин после фултонской речи однозначно назвал Черчилля «поджигателем войны». Мы не забыли о том, что этот человек являлся одним из инициаторов интервенции против Советской России, откровенно затягивал открытие второго фронта, призвал к решительному противоборству с СССР, однозначно отвергал все советское. Все это так.

Но у советских людей Черчилль останется в памяти как решительный сторонник борьбы до победы с гитлеризмом, имевший мужество протянуть руку СССР для военного союза в трудную пору. Как знать, проживи Чемберлен дольше и не возглавь Черчилль британское правительство в 1940 году, не попытался ли бы еще раз Гитлер осуществить за счет СССР сделку с Англией? Никто не ответит, наверное, на этот вопрос. Не ответит потому, что именно новый премьер-министр занял ясно выраженную антифашистскую позицию. Его роль в антифашистской коалиции в качестве союзника СССР и США, как и других наций, в борьбе против фашизма, была звездным часом в судьбе этого выдающегося политика. Антигитлеровская коалиция, как мы знаем теперь, показала миру, что возможны союзы государств с разным социальным строем, если перед ними общая, смертельная угроза или глобальная, судьбоносная цель. Этот союз доказал, что и сегодня, например, может существовать «антиядерная коалиция», при наличии в мире, как писал У. Черчилль, «доброй воли». По сути, «Вторая мировая война» — это ярко написанная героическая эпопея многих народов, выступивших против планетарной опасности.

Лидеры союзников, протянув друг другу руки в Тегеране, Ялте, Потсдаме, сделали тем самым несколько крупных шагов к тому, чтобы люди планеты, живя в одном космическом доме, несущемся в бесконечных пространствах Вселенной, поняли истину, которая встанет перед ними во весь рост менее чем через полвека после общей Победы. Лидеры антигитлеровской коалиции, видимо, еще не думали, что наша цивилизация уникальна и, возможно, одинока в беспредельном мироздании. Пока никто не доказал обратного. Вокруг нет обитаемых островов и подобных Земле «кораблей». Поэтому всякая попытка одной части земель уничтожить другую, которая живет и думает иначе, может разрушить бесценный очаг. Человечество тогда еще не знало, что оно вступает в ядерно-космическую эру. Но самые дальние истоки нового мышления, которое должно стать планетарным, находятся в союзнических узах антифашистской коалиции, в формировании которой немалая заслуга принадлежит и автору «Второй мировой войны».

В разгар «холодной войны» Черчилль напишет: «Несмотря на все усилия и жертвы, принесенные сотнями миллионов людей, несмотря на победу правого дела, мы все еще не обрели мира

и безопасности и нам грозят опасности большие, чем те, которые мы преодолели. В этом высшая точка трагедии человечества». Работая над своими воспоминаниями, выдающийся британский политик надеялся, что «они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества». Эти надежды сегодня так же актуальны, как и четыре десятилетия назад, когда о них писал Уинстон Спенсер Черчилль, Прошлое напоминает: настоящее никогда не завершено, а будущее всегда начато.

